

ненемецкого, и готского, и прибалтийского языков является некий общий праязык. Хотя бы индоевропейский, или арийский язык. Можно произвести этимологический анализ слова Хлеб следующим образом. Согласно известному правилу замены мягкого согласного на твёрдый, раньше оно звучало как х-леп (арап – араб, столп - столб). "Леп" мы находим и в слове леп-ёшка. Родственное слову "лепить". Действительно, приготовив тесто, из него лепили нечто, что помещалось на очаг. Так выпекался хлеб. Лепёшкой называли небольшие изделия, но если выпекался большой каравай, его называли "лепом хорса", или "хорлеп". До недавнего времени русские крестьяне, садясь за обед, воспринимали его как некий сакральный ритуал. Глава семейства читал молитву "Очи всех на тя, Господи, уповают, ..." Преломляя хлеб и раздавал его домочадцам. Этот обычай многотысячелетний. Но до христианства молитва возносилась богу Солнца Хорсу, подателю тепла и урожая. Хлебный каравай был как жертва Богу, предлагаемая ему за каждой трапезой. Слово "хорлеп" для произношения не очень хорошее, поэтому сначала выпала буква -р-, а затем, по известному лингвистам правилу выпадания гласных, выпало и -о- (через - чрез, холод - хлад). В итоге и получился хлеб. Причём, всё это произошло до формирования славянского этноса во времена древних ариев. А позже, искорёживаясь, слово распространилось и к грекам, и латинянам, и вплоть до Исландии.

А Фасмеру скажу, что Исландия была заселена норвежцами только в IX веке, значительно позже того, как славяне растили и ели хлеб, и называли его хлебом (Остромирово Евангелие); и по-исландски хлеб - brauð, а по-норвежски - brød. И только одному Фасмеру известно, что др.-исл. *hleifr*. И наоборот, немецкое "брот" и английское "бред" происходит от славянского слова: ст. сл. брашьно - борошно (мука по-украински) > бротьно > брот.

Но наш старик Фасмер ИНТЕЛЛИГЕНТ (а значит склонен к шизофрении). Поэтому он видит исторический процесс по-другому. А именно. Где-то на нижнем Рейне, на южном побережье Балтийского моря жил некий германский пранарод с германским праязыком. На восток от него и на юг никто не жил, кроме бабуинов, пасшихся среди редконаселённых болот и лесов. Так вот, верхненемцы приручили бабуинов, произвели над ними генетическую операцию, за счёт которой